

УДК 94(4) "1953/1991"
doi 10.17072/2219-3111-2026-3-90-101
EDN: QGBRQA
ASJC 1202
ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Попов А. Д.* Мемориальные конфликты в Советском Союзе постсталинского периода: типология, причины, социальная динамика // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 90–101. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-90-101. EDN: QGBRQA

МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПОСТСТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

А. Д. Попов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 295007, Россия, Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4
popalex79@mail.ru
Researcher ID: Q-2159-2017
Scopus Author ID: 57190138295

На основе синтеза методологических подходов классической социологии конфликта и исследований коллективной памяти (*memory studies*) предпринята попытка предложить концептуальную рамку изучения мемориальных конфликтов как возникающих в конкретных социально-исторических условиях явлений, неразрывно связанных с политикой памяти и коммеморацией, но также включенных в более широкие идеологические, политические, хозяйственно-экономические, творческие, социально-психологические контексты. Под мемориальными конфликтами автор понимает один из видов социальных конфликтов, представляющих собой осознаваемое столкновение противоположных интересов, целей, позиций и взглядов сторон конфликта по поводу интерпретаций событий прошлого или структуры, формы и содержания коммеморативных практик, считая использование этого термина более продуктивным по сравнению с широко распространенным понятием «война памяти». Для ретроспективного анализа использованы конкретные примеры мемориальных конфликтов в Советском Союзе 1953–1991 гг., реконструированные на основе архивных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный архив литературы и искусства) и опубликованных документов, материалов прессы, эго-источников. Представлены различные подходы для их типологизации, в том числе авторская типология на основе факторов их возникновения, позволяющая выделить ценностно-мировоззренческие, институциональные, нарративные, процессуальные, эстетические мемориальные конфликты, «конфликты исторической достоверности» и «конфликты принадлежности». По мнению автора, поддерживаемый государственно-партийными органами власти в СССР вплоть до 1988–1989 гг. мемориальный порядок являлся своеобразным, но достаточно эффективным способом конфликт-менеджмента в сфере общественных представлений о прошлом, а после начала его деконструкции увеличилось как количество мемориальных конфликтов, так и степень их антагонизма.

Ключевые слова: политика памяти, коллективная память, коммеморация, мемориальный порядок, социология конфликта, мемориальный конфликт, «война памяти», СССР.

Введение

На современном этапе нарративы о «прошлом как поле битвы», «боях за прошлое», «войнах памяти» не только активно присутствуют в информационно-медийном поле, но и все чаще становятся частью научного дискурса [Головашина, 2021; Давиденко, 2022; Токарева, 2021 и др.]. Использование антагонистических метафор вызывает у аудитории эмоциональную реакцию и стимулирует интерес к мемориальным баталиям прошлого и настоящего. Но если говорить именно об академической рефлексии, даже в условиях пресловутого «мемориального поворота», данная тема остается несколько «маргинальной». Наиболее аналитичной концепцией зарубежных представителей *memory studies* относительно мемориальных конфликтов явля-

ется связанная с западной политологической теорией попытка охарактеризовать их специфику в зависимости от господствующего «режима памяти», который, по версии А. Булла и Х. Хансена, может быть антагонистическим, космополитичным или агонистическим. Согласно этой концепции для антагонистических режимов памяти характерны монологичность, манипулятивность, поляризация; для космополитичных – универсализм, рефлексивность, эмпатия к жертвам; для агонистических – диалогичность, состязательность, максимальная зависимость от социальных обстоятельств и контекста деятельности, что оказывает свое влияние на суть мемориальных конфликтов [Bull, Hansen, 2016]. Что касается научных публикаций отечественных авторов, то они либо дают развернутые описания конкретных конфликтов советского [Бранденбергер, 2016; Лейбович, 2022; Толстиков, 2025 и др.] или постсоветского [Белов, 2020; Гизен, 2015 и др.] периодов, либо представляют собой первые опыты концептуализации данного феномена в рамках отдельных регионов на современном этапе [Кринко, 2021; Кринко, Челтанова, 2026; Романько, 2024]. В изучении мемориальных конфликтов также имеет место абсолютный отрыв исследований в области *memory studies* или политики памяти от классической теории социального конфликта [Дарендорф, 1994; Козер, 2000; Mitchell, 2005 и др.]. Между тем, поскольку любой конфликт вокруг образов прошлого и процессов коммеморации по своей природе является социальным конфликтом, использование социологического подхода дает понятный механизм анализа таких сюжетов через выявление причин их возникновения, состава и целей участников, характера протекания и результатов.

Целью данной статьи является попытка предложить концептуальную рамку изучения мемориальных конфликтов как возникающих в конкретных социально-исторических условиях общественных противоречий, неразрывно связанных с политикой памяти и коммеморацией, но также включенных в более широкие идеологические, политические, хозяйственно-экономические, творческие, социально-психологические контексты. Первичный интерес автора к теме мемориальных конфликтов возник в ходе реализации в 2023–2024 гг. при поддержке Российского научного фонда исследовательского проекта № 23-28-00812 «Бои за прошлое в эпоху перемен: мемориальные конфликты оттепели и перестройки». Дальнейшее осмысление собранного в результате данного проекта материала показало необходимость расширения хронологического диапазона за счет периода т.н. развитого социализма, тем более что отдельные мемориальные конфликты в СССР могли продолжаться на протяжении нескольких десятилетий. Предлагаемый в данной статье опыт концептуализации основывается на конкретных примерах мемориальных конфликтов, реконструированных с помощью архивных и опубликованных документов, материалов прессы и эго-источников, относящихся к постсталинскому периоду – времени трансформации советского общества, начавшейся после смерти И. В. Сталина в 1953 г. и продолжавшейся вплоть до ликвидации СССР в 1991 г. Географически эти примеры относятся преимущественно к современной территории Российской Федерации, поскольку специфика мемориальных конфликтов в национальных союзных республиках СССР слишком многообразна и требует отдельного комплексного изучения.

«Война памяти» vs «мемориальный конфликт»: сравнение понятий

Обзор публикаций показывает, что антагонистичные понятия типа «война памяти» используются намного чаще, чем условно нейтральное понятие «мемориальный конфликт». Поэтому прежде всего следует конкретизировать понятийный аппарат и пояснить, почему использование именно второго термина кажется более обоснованным.

В западном академическом дискурсе понятие «война памяти» (*memory war*) появилось в конце 1990-х гг., а в отечественной гуманитаристике – с начала 2000-х гг., преимущественно для характеристики внутренних и международных политических конфликтов, так или иначе связанных с образами прошлого – от мифов о происхождении этносов до интерпретации военно-политических событий XX в. [Бордюгов, 2011; Миллер, 2020; Шнирельман, 2003 и др.]. В этом значении «войны памяти» часто рассматриваются как одно из возможных проявлений идеологического противостояния или информационно-психологических войн [Давиденко, 2022, с. 90]. Также подчеркивается, что явная политизация истории в большинстве постсоциалисти-

ческих и постсоветских стран в начале XXI в. приводит к ярко выраженному антагонистическому характеру национальных режимов памяти, вытесняя «космополитические» и «агонистические» подходы к интерпретации прошлого [Миллер, 2020, с. 224–225]

Анализируя различные подходы к определению понятия «войны памяти» Е. А. Токарева указывает, что его милитарная метафоричность заставляет исследователей искать «линию фронта», выявлять «потери в конфликте» и возможные признаки «победы» или «поражения» в таком символическом сражении, а в итоге признает, что далеко не каждое противоречие по поводу прошлого можно объявить «войной» [Токарева, 2021, с. 290–296]. О. В. Головашина также отмечает, что при всей своей популярности определение «война памяти» является скорее метафорой, чем сложившимся научным концептом [Головашина, 2021, с. 46–49].

В то же время лишь в нескольких имеющихся публикациях конкретизируется понятие «мемориальный конфликт». Так, Е. Ф. Кринко и Д. Д. Челпанова характеризуют его в широком смысле как «любые противоречия и столкновения в трактовке тех или иных событий прошлого, находящие свое выражение в различных формах», а в более узком – как «конфликты... в мемориальной сфере, связанные с созданием, изменением форм и содержания, а также ликвидацией мемориальных объектов» [Кринко, 2021, с. 54; Кринко, Челпанова, 2026, с. 3]. В целом соглашаясь с таким подходом, но несколько конкретизируя его, в данной статье мы предлагаем рассматривать мемориальный конфликт как один из видов социальных конфликтов, представляющий собой осознаваемое столкновение противоположных интересов, целей, позиций и взглядов сторон конфликта по поводу интерпретаций событий прошлого или структуры, формы, содержания коммеморативных практик.

Использование популярных понятий «война памяти» или «войны памяти» несет в себе негативно-метафоричные эмоциональные коннотации, поэтому их использование представляется оправданным лишь в публицистических текстах по отношению к наиболее антагонистическим, масштабным, системным мемориальным конфликтам. В то же время понятие «мемориальный конфликт» охватывает более широкий комплекс противоречий вокруг прошлого (в том числе связанных с процедурными и техническими вопросами, эстетическими вкусами и т.д.), а его использование включает достаточно понятную и разработанную схему анализа через инструментарий социологии конфликта, прикладной конфликтологии и конфликт-менеджмента.

Социологический подход к типологии мемориальных конфликтов

Как и любое сложное явление общественной жизни, конфликты могут теоретически группироваться по различным основаниям. С помощью типологических моделей социологии конфликта мемориальные конфликты логичнее всего встраиваются в типологию по сфере проявления (наряду с политическими, экономическими, религиозными, бытовыми конфликтами). В то же время для анализа конкретных мемориальных конфликтов вполне применимы другие распространенные социологические типологии: по участникам / масштабу (межличностные, групповые, институциональные, общенациональные, международные), по форме (открытые и скрытые), по продолжительности, по степени антагонизма, а для завершенных конфликтов – по способам разрешения (победа одной из сторон, компромисс) и результатам (конструктивные и деструктивные).

Анализ советских мемориальных конфликтов постсталинского периода демонстрирует, что их основными институциональными акторами (осознанными участниками, действующими лицами) являлись центральные и местные государственно-партийные органы власти, а также в различной степени аффилированные с ними общественные организации и профессиональные сообщества, включая творческие союзы. Но самостоятельные группы или индивидуальные активисты также могли различными способами выражать свою позицию относительно коммеморации событий прошлого, иногда вступая в противоречие с «генеральной линией памяти (партии)». Причем чаще всего в мемориальные конфликты оказывались вовлечены те, кого можно назвать «конструкторами памяти» или мнемоническими акторами: известные участники исторических событий, краеведы и местные общественные активисты, представители творче-

ских профессий (писатели, публицисты, журналисты, кинорежиссеры, художники, архитекторы, скульпторы), профессиональные историки.

Вопросы отстаивания «исторической справедливости (достоверности)», как и сохранения историко-культурного наследия [см.: *Неплюев, 2022*], в позднесоветском обществе способствовали идентификации и консолидации действующих субъектов. Например, неформальная группа т.н. «друзей Аджимушкай», представители которой на протяжении 1960–1980-х гг. добивались общественного признания героического статуса участников обороны Аджимушкайских каменоломен 1942 г., объединила военного историка В. В. Абрамова, художника-баталиста Н. Я. Бута, поэтессу Ю. В. Друнину, публициста Б. Е. Сермана, отставного военного и музейного работника С. М. Щербака, руководителя студенческих поисковых отрядов В. К. Щербанова и других лиц, проживавших в разных городах и фактически связанных между собой только особым вниманием к определенному историческому событию и его коммеморации. Несмотря на то, что до рубежа 1950–1960-х гг. эту страницу «неудобного прошлого», связанную с разгромом Крымского фронта, пытались замалчивать, благодаря усилиям «друзей Аджимушкай» о ней узнала вся страна. Апогеем их активности стала медийная и петиционная кампания 1989–1990 гг., которая после 25 лет бюрократической переписки, несмотря на продолжающееся прямое противодействие со стороны Главного управления кадров Министерства обороны СССР, вынудила М. С. Горбачева подписать указ о посмертном награждении наиболее известных участников обороны Аджимушкай. Однако с учетом консервативной позиции Минобороны даже в этом документе было предусмотрено награждение менее статусными наградами, чем изначально предлагалось. В частности, руководители обороны каменоломен Г. М. Бурмин, И. П. Парахин и П. М. Ягунов были посмертно награждены орденами Красного Знамени, а не званиями Героев Советского Союза, то есть нельзя говорить о полной победе «друзей Аджимушкай» в данном мемориальном конфликте [подробнее см.: *Попов, 2025*, с. 167–188].

Самой сложной для исследователей проблемой является реконструкция побудительных мотивов вовлечения акторов в мемориальные конфликты, поскольку, помимо идейно-мировоззренческих установок и собственного видения «правильной» коммеморации, на их действия могли существенно влиять также статусные, карьерные, финансовые, психологические причины. Например, активизировавшуюся с 1960-е гг. критику скульптором О. А. Иконниковым мемориалов, созданных под руководством В. Е. Вучетича, некоторые современники объясняли завистью по отношению к влиятельности, славе и высоким гонорарам последнего (см., например: РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 2. Д. 1128. Л. 19–22).

В рассматриваемый период скрытые мемориальные конфликты проявлялись в таких формах, как докладные записки с критической информацией, «письма во власть», межведомственная и личная переписка, внутренние отзывы и рецензии, устные беседы разъяснительно-профилактического характера. Помимо «писем во власть», адресованных непосредственно в органы управления и конкретным политическим деятелям, обширная корреспонденция по мемориальным вопросам направлялась в редакции средств массовой информации, причем в период перестройки их количество резко увеличилось [см., например: *Ехлакова, Янковская, 2023*]. Адресатами подобной корреспонденции также могли становиться известные личности, такие как Д. С. Лихачев, К. С. Симонов, С. С. Смирнов.

Открытые мемориальные конфликты могли проявляться в речах и дискуссиях на различных публичных мероприятиях, медиатизировались через средства массовой информации. Намного реже имело место совершение альтернативных общепринятым ритуально-символических действий, а открытые деструктивные действия (сознательное уничтожение объектов коммеморации, физическое насилие) не совершались практически никогда, кроме периода поздней перестройки. С точки зрения исторической динамики для хрущевского периода был характерен примерный паритет скрытых и открытых мемориальных конфликтов. В брежневский период количество открытых мемориальных конфликтов заметно снижается, а во время перестройки стремительно увеличивается, достигнув максимальных значений (как и пика антагонизма) в 1988–1991 гг.

Исходя из критерия продолжительности, можно выделить краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные мемориальные конфликты. Наибольший интерес для исследователей представляют долгосрочные конфликты, имеющие выраженную динамику, а зачастую и сменяемость акторов. Так, вопрос о награждении званием Героя Советского Союза офицера-подводника А. И. Маринеско начал подниматься еще во время оттепели в начале 1960-х гг. (Письмо начальника..., 2005, с. 681). Спустя более 20 лет, в период перестройки, такие инициативы вновь поступали в ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 458. Л. 1–4). Но из-за противодействия Министерства обороны СССР положительное решение по данному вопросу было принято только 5 мая 1990 г.

Что вызывает мемориальные конфликты?

Одним из важнейших оснований для типологии мемориальных конфликтов является анализ факторов их возникновения. Классический подход социологии конфликта с делением их причин на объективные (борьба за ограниченные ресурсы, ярко выраженное социальное неравенство, дефекты в организации социальных институтов) и субъективные (мировоззренческие разногласия, противоречия между различными социальными ролями, психологические особенности отдельных индивидов) [Mitchell, 2005] является слишком общим и не в полной мере учитывает специфику коллективной памяти и коммеморации. С учетом известных автору статьи исторических примеров предлагается по факторам возникновения выделить три группы мемориальных конфликтов, первая из которых связана с ответами на вопрос *кого (что) помнить?* (ценностно-мировоззренческие, «конфликты исторической достоверности»), вторая – *кому помнить?* (институциональные, «конфликты принадлежности»), третья – *как помнить?* (нарративные, процессуальные, эстетические). Иными словами, первая группа факторов связана непосредственно с образами прошлого, вторая – с акторами мемориальных процессов, а третья – с конкретными деталями коммеморативных практик.

Ценностно-мировоззренческие мемориальные конфликты обусловлены принципиальными расхождениями в оценках содержания и значимости исторических процессов, событий, личностей. Поскольку для советской политики памяти была характерна героикоцентричность, то очень важным был вопрос о критериях включения в пантеон героев, который не все воспринимали однозначно. Несмотря на безусловную героизацию первого советского космонавта в 1960-е гг., некий гражданин С. выражал недовольство тем, что улица в его городе названа именем Ю. А. Гагарина, аргументируя, что подвиг покорения космоса принадлежит всему советскому народу, а слава достается одному человеку (РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 4. Д. 427. Л. 12–13). Когда незадолго до распада СССР встал вопрос о возвращении Ленинграду исторического названия Санкт-Петербург, нашлись те, кто идейно сопротивлялся этому акту топонимической коммеморации (Кошванец, 1990). Опубликовано в 1990 г. интервью с историком Г. А. Бордюговым остро поставило масштабный мировоззренческий вопрос о том, кто является победителем в Великой Отечественной войне: советский народ в целом или партийная номенклатура? (Украденная победа, 1990).

«Конфликты исторической достоверности» являются крайне распространенными и в наши дни, подкрепляясь декларациями о необходимости соответствия содержания коллективной памяти «исторической правде» и борьбе с фальсификациями истории. В постсталинский советский период конфликты такого рода также имели место. Например, в 1966 г. на страницах журнала «Новый мир» вышла статья Э. В. Кардина (опубликованная под псевдонимом Владимир Кардин), в которой он при всех ограничениях, характерных для советской периодической печати, высказал сомнения в исторической достоверности двух действительно важных для официальной советской политики памяти эпизодов – о якобы имевшем место выстреле крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу во время революционных событий в Петрограде и о значимых боях Красной армии 23 февраля 1918 г., которыми обосновывалось учреждение главной памятной даты советских вооруженных сил (Кардин, 1966). В исследовании П. А. Неплюева о региональном историко-культурном активизме описан характерный случай дискуссий 1970–1980-х гг. о цвете связанного с событиями Гражданской войны памятника-паровоза «Красный коммунар» в Челябинске. Его

покраска в красный цвет соответствовала роли этого мемориального объекта в качестве идеологического символа, но многие защитники историко-культурного наследия считали, что визуально он должен максимально соответствовать своему первоначальному историческому виду [Неплюев, 2022, с. 88]. Международный политический скандал и отмена премьеры в Москве советско-итальянского художественного фильма «Подсолнухи» (режиссер – Витторио де Сика, в ролях – Софи Лорен и Марчелло Мاستроянни) в марте 1970 г. были связаны с тем, что некоторые кадры из фильма «подтверждали измышления буржуазной пропаганды о том, что в СССР якобы существуют гигантские кладбища итальянских солдат и до настоящего времени задерживается возвращение на родину итальянских военнопленных» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 91. Л. 103). Итальянская сторона отказалась вносить какие-либо изменения в кинокартину, поскольку явно нереалистичная информация способствовала реализации художественного замысла произведения.

Институциональные мемориальные конфликты связаны с конкуренцией различных социальных институтов в вопросах сохранения и интерпретации памяти о прошлом. Например, в середине 1950-х гг. такие официальные органы, как аппарат Президиума Верховного Совета СССР, Министерство госконтроля СССР, Комитет государственной безопасности СССР, Новгородский обком партии и исполком во взаимной переписке искали ответственных в ситуации с захоронением останков погибших советских воинов периода Великой Отечественной войны в районе железнодорожной станции Мясной бор. Характерно, что разбирательство началось с письменного обращения одного из граждан, который указывал на недопустимость ситуации, когда спустя более 10 лет после окончания военных действий «в лесу и на полях валяются до сих пор не погребенные и не прибранные останки тысяч погибших», в то время как официальные работы по разминированию и сбору металлолома на этих территориях проводились регулярно (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 107. Д. 142. Л. 1). Большой интерес представляет подробно описанный в статье Т. Ю. Толстикова сюжет о двух ветеранских сообществах (условно – «автомобилисты» и «моряки»), которые в 1960–1970-е гг. сформировали две альтернативные и конкурирующие линии коммеморации истории о «Дороге жизни», сыгравшей колоссальную роль для блокадного Ленинграда. Причем обе стороны имели влиятельных покровителей, формальный статус ветеранских организаций, а также создавали объекты коммеморации (военно-историческую литературу, музейные экспозиции, памятники), которые отражали именно их видение данного исторического сюжета [Толстиков, 2025]. В конце 1980-х гг. развернулась борьба различных концепций дальнейшего сохранения и использования историко-архитектурных памятников на острове Валаам, в которую оказались вовлечены органы культуры, представители военного ведомства (объекты которого располагались на данной территории) и православной церкви (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 816. Л. 50–171).

«Конфликты принадлежности» в мемориальной версии выражаются в борьбе за право «присвоения» определенных исторических событий или персоналий через формализованный нормативно-правовой статус, что отличает их от имеющих более абстрактный характер ценностно-мировоззренческих конфликтов. Например, в середине 1950-х гг., после принятия решения о награждении всех участников произошедшего за 50 лет до этого восстания на броненосце «Потемкин», некоторые советские граждане разными способами боролись за включение в число потемкинцев, причем не всегда имея на это основания (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 38, 56). По разным причинам, несмотря на серьезные исторические обоснования и усилия местных властей, в 1960–1980-е гг. в состав городов-героев так и не вошли Воронеж, Курск, Ростов-на-Дону [Понов, 2025, с. 34–36].

Нарративные мемориальные конфликты связаны с конкретным содержанием текстов официальных документов, учебников истории, энциклопедических статей, надписей на памятниках и т.д. В советский период даже до начала «гласности» они случались достаточно часто, но далеко не всегда проявлялись в публичном поле, поскольку вся линия нарративов о прошлом предварительно проходила через несколько фильтров: самоцензуру, экспертную оценку представителей соответствующего сообщества, идеологическую цензуру. Так, в начале 1960-х гг. даже публичное упоминание «Сталинградской битвы» вместо рекомендованного на тот момент названия

«битва на Волге» уже воспринималось чуть ли не как акт личного мужества (РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 7. Д. 302. Л. 4–5). Практики табуирования упоминания в нарративах определенных имен или событий были весьма характерными для советского периода. Например, в период десталинизации упоминания о Сталине исключались даже из переизданий ранее уже опубликованных эго-источников и мемориальных надписей-цитат на памятниках (конкретные примеры см. [Попов, 2025, с. 122, 209]). По этой же схеме во второй половине 1960-х – 1970-е гг. даже из документальных публикаций могли сознательно исключаться упоминания Хрущева, а во второй половине 1980-х гг. – Брежнева.

Процессуальные мемориальные конфликты связаны с наличием разных позиций относительно конкретных действий в процессе коммеморации – как правило, таких, которым приписывалось ритуально-символическое значение. Так, в мае 1957 г. один из «старых большевиков» в личном письме на имя Н. С. Хрущева ставил вопрос о возвращении к участию в праздничных военных парадах на Красной площади «сводного батальона ветеранов трех революций», как это практиковалось в 1930-е гг. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 192. Л. 45). Среди претензий одного из ветеранов Великой Отечественной войны к Л. И. Брежневу было то, что он не только неправомерно получил звание «маршала и четырежды героя», но и «взял из Государственного сейфа Президиума также незаконно Орден Победы и Золотую саблю» (Письмо ветерана партии..., 2005, с. 189).

Мемориальные конфликты эстетического содержания обусловлены субъективным неприятием и критикой объектов коммеморации из-за их общего внешнего вида, стилистики, определенных визуальных деталей без идеологического подтекста. В основном они касаются объектов образно-творческой, монументальной коммеморации. Так, по сохранившимся свидетельствам бывший командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский в 1960-е гг. абсолютно не принял эстетику сооружаемого на площади Нахимова в Севастополе Мемориала героям второй обороны 1941–1942 гг., называя его «диким сооружением», которое надо «сломать, выбросить, а виновников наказать» [Попов, 2025, с. 83]. Участники группы военных консультантов после знакомства в 1986 г. с макетом Памятника Победы на Поклонной горе в Москве, подготовленным под руководством архитектора А. Т. Полянского, высказали мнение, что «фигуры ансамбля на расстоянии кажутся уродливыми» (Записка..., 2005, с. 169).

Естественно, что из-за сложности социально-исторических явлений предлагаемая типология факторов возникновения мемориальных конфликтов в известной степени условна, хотя и отражает все значимые линии возможного столкновения. Кроме того, в конкретных случаях сразу несколько факторов могут проявляться одновременно.

Мемориальный порядок как советская версия конфликт-менеджмента

В условиях важности исторической повестки в СССР с идеологической точки зрения для советской политики памяти ключевую роль имело поддержание всеобъемлющего и весьма консервативного мемориального порядка. Он представлял собой легитимизированную и сложно структурированную систему материально-предметных, образно-символических и нарративных репрезентаций событий прошлого, в целом понятную и приемлемую как для власти, так и для общества. Значимость мемориального порядка особенно усилилась после середины 1960-х гг., когда на фоне кризиса образов светлого будущего в СССР еще большее значение стало играть героическое прошлое [см.: Попов, Пивоваров, Сак, 2023, с. 109–113]. Термин «мемориальный порядок» представляется более удачным в сравнении с «режимами исторической памяти» А. Булла и Х. Хансена [Bull, Hansen, 2016], мемориальным «метанарративом» в трактовке Г. Гилла [Gill, 2011] или «памятью строгого режима» Н. Е. Копосова [Koposov, 2018]. Советский мемориальный порядок, несмотря на стремление партийно-государственных структур полностью контролировать образы прошлого и минимизировать открытые мемориальные конфликты, отличался определенной «гибкостью». В реальности усилия разных мнемонических акторов, действующих на основе определенных процедур публичного и непубличного взаимодействия (уже охарактеризованных выше), все же могли оказывать существенное влияние на коммеморативные практики. Например, активная общественная позиция местных краеведов и журналистов привела

к тому, что после острых дискуссий рубежа 1960–1970-х гг. вместо официально признанной на тот момент даты основания Перми (1781 г.) была утверждена новая дата, связанная с созданием в 1723 г. Егояхинского медеплавильного завода, что позволило в 1973 г. отпраздновать 250-летний юбилей города [см.: *Лейбович*, 2022; *Янковская*, 2023, с. 15–18].

При этом значительная часть возможных конфликтов в мемориальной сфере сглаживалась через межведомственную переписку, закрытые обсуждения различных редакций, художественных советов, рабочих групп. Иногда потенциальные нарушители мемориального порядка вызывались на беседы в идеологические партийные органы, где им указывали на несоответствие их субъективных взглядов или предложений «генеральной линии памяти (партии)». В целом это позволяло снизить уровень антагонизма и поддерживало определенный консенсус между властью и обществом по мемориальным вопросам. Даже принявшая гипертрофированные формы «малоземельная» кампания 1978–1982 гг. по глорификации военного периода биографии Л. И. Брежнева вызвала лишь скрытое осмеяние и латентное недовольство в обществе, проявившееся на уровне записей в личных дневниках, кухонных разговоров и анекдотов, в то время как публично проявлялось исключительно восхищение героизмом действующего генсека и его литературным талантом [подробнее см.: *Попов*, 2025, с. 189–204]. С точки зрения концепции А. Булла и Х. Хансена такая модель приближается к антагонистичному режиму памяти, особенно в публичном измерении мемориальных процессов, однако не исключает и определенных агонистических проявлений, часто оказывавшихся вне поля зрения широкой общественности, но от этого не утрачивающих полностью свой преобразующий потенциал. Вплоть до второй половины 1980-х гг. советский мемориальный порядок заключался не столько в какой-то определенной статичной форме описания прошлого, сколько в принципиальной установке, что его действующая текущая версия должна быть согласована с государственно-партийными органами власти в рамках установленных ими же правил и процедур.

Но с 1987–1988 гг. роль партийного руководства, которое ранее являлось основным актором в реализации политики памяти и последовательно стремилось выполнять функции «обязательного арбитража» при возникновении мемориальных конфликтов, была фактически нивелирована. Между тем, согласно теории Р. Дарендорфа, именно системное регулирование снижает антагонизм социальных конфликтов и способствует проявлению их позитивного влияния на общественные процессы [*Дарендорф*, 1994, с. 145–146]. В результате в последние годы существования СССР значительно увеличилось количество мемориальных конфликтов, антагонистичных по характеру и деструктивных по своим последствиям.

Наиболее конфликтогенным стал образ И. В. Сталина и сталинского периода истории СССР в целом. Эта тема не только не сходила со страниц печатных средств массовой информации [*Ехлакова*, *Янковская*, 2023, с. 179–180], но и нашла широкое отражение в отечественном кинематографе – от сложных аллегорических до откровенно гротескных произведений [*Просолова*, *Попов*, 2024]. При этом к 1988–1989 гг. окончательно сложилась ситуация, когда в ходе общественных дискуссий «сталинистами» («сталинцами») называли всех, кто воздерживался от публичной критики Сталина. В ставшем широко известным письме Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами» упоминается о набравшем обороты выявлении среди граждан «сталинистов» с их последующей критикой и стигматизацией (*Андреева*, 1988). На рубеже 1980–1990-х гг. в прессе также появлялись публикации, направленные на дегероизацию панфиловцев, «молодогвардейцев», Зои Космодемьянской, Александра Матросова и др., хотя значительная часть населения воспринимала такие материалы критически и отстаивала советские канонические интерпретации прошлого (напр., *Жовтис*, 1991; *Кожемяко*, 1991). Что же касается образа уже покойного Брежнева, то, помимо активной публичной критики «коллекционера наград» и «вдохновителя застоя», известны случаи, например, сжигания на костре печатных экземпляров «Малой земли» (*Юнанов*, 1989). Имели место и факты осквернения, вандализма, демонтажа, разрушения памятников не только В. И. Ленину (О фактах..., 1990) или «символическому патрону» советских органов госбезопасности Ф. Э. Дзержинскому, но иногда героям и жертвам Великой Отечественной войны (напр., *Васильев*, 1989). Очевидно, что часть возникших в период поздней перестройки мемориальных конфликтов вызывает достаточно острые

общественные дискуссии до настоящего времени, сохраняя у противоборствующих сторон склонность их решения либо через возвращение к «мемориальному порядку 2.0», либо путем достижения общественного консенсуса через выход на новый уровень диалога и компромисса.

Заключение

Для большинства отечественных публикаций характерна очевидная драматизация отношения к мемориальным конфликтам, которые воспринимаются как исключительно негативное явление, поскольку они ассоциируются именно с «войнами памяти» – максимально антагонистичными и мобилизующими участников в ряды непримиримых противников. Однако следует принимать во внимание один из ключевых тезисов классической теории социального конфликта, согласно которому противоречия могут иметь и позитивное значение, укрепляя групповую солидарность, помогая устранять выявленные проблемы, смягчать противоречия, способствовать совершенствованию социальной реальности [Козер, 2000, с. 50–51]. Анализ факторов возникновения, состава участников и их целей, характера и динамики, способов разрешения и последствий мемориальных конфликтов, в том числе в относительно близкой и преемственной советской исторической ретроспективе, может помочь не допустить их перерастания в «войны памяти» (особенно когда речь идет о межличностных, процессуальных, эстетических разногласиях) или вырабатывать более системные и эффективные стратегии взаимодействия в значимых для государства и общества идейно-мировоззренческих конфликтах.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 816. Л. 50–171; Ф. Р-7523. Оп. 107. Д. 142. Л. 1.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528. Оп. 4. Д. 427. Л. 12–13; Оп. 7. Д. 302. Л. 4–5; Ф. 2943. Оп. 2. Д. 1128. Л. 19–22.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 38, 56; Ф. 5. Оп. 30. Д. 192. Л. 45; Оп. 62. Д. 91. Л. 103; Ф. 100. Оп. 6. Д. 458. Л. 1–4.
- Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта. С. 3.
- Васильев Б.Ф. Вандализм // Крокодил. 1989. № 5. С. 8.
- Жовтис А. К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской: уточнения к канонической версии // Аргументы и факты. 1991. 26 сентября. С. 2.
- Записка группы военных консультантов Министерства обороны СССР и ГлавПУРа. 17 июля 1986 г. // Памятник Победы: история сооружения Мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве: сб. документов. М., 2005. С. 169–170.
- Кардин В. Легенды и факты // Новый мир. 1966. № 2. С. 237–250.
- Кожемяко В. Трагедия Зои Космодемьянской // Правда. 1991. 29 ноября. С. 1, 6.
- Кошванец В. Мы – ленинградцы! // Ленинградская правда. 1990. 26 января. С. 1.
- О фактах политического вандализма и противоправных действиях в отношении памятников В.И. Ленину // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 11–12.
- Письмо ветерана партии и Великой Отечественной войны Ф.С. Чуйко // Памятник Победы: история сооружения Мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве: сб. документов. М., 2005. С. 189.
- Письмо начальника Главного политического управления СА и ВМФ А.А. Епишева в ЦК КПСС о неточностях в освещении событий Великой Отечественной войны писателем С.С. Смирновым // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. Документы. М., 2005. С. 681–682.
- Украденная победа [интервью с А.Г. Бордюговым] // Комсомольская правда. 1990. 5 мая. С. 1–2.
- Юнанов Б. Жизнь после Мурманска // Советская культура. 1989. 1 августа. С. 2.

Библиографический список

- Белов С.И. Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 1. С. 36–46. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-36-46. EDN: KIVDYL.
- Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.

- Бранденбергер Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 175–186. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.311.
- Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 3. С. 363–376. EDN: UMBKUL.
- Головашина О.В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 1. С. 43–52. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.006.
- Давиденко А.А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 85–95. DOI: 10.5922/sikbfu-2022-3-7.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
- Ехлакова А.Р., Янковская Г.А. Письма в редакцию как локальный историко-культурный активизм в годы перестройки (по материалам пермской прессы) // Вестник Перм. ун-та. История. 2023. № 2(61). С. 172–184. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-172-184.
- Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 205 с.
- Кринко Е.Ф. Политика памяти и мемориальные конфликты на Северном Кавказе // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 54–69. EDN: BEDYIH.
- Кринко Е.Ф., Челпанова Д.Д. Мемориальные конфликты в историко-культурном пространстве Южного федерального округа в 2015–2024 гг.: типология, динамика, география [Электронный ресурс] // История. 2026. Т. 17, вып. 4(162). URL: <https://history.jes.su/s207987840038647-0-1/> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: 10.18254/S207987840038647-0.
- Лейбович О.Л. Исторический проигрыш: Федор Горовой в дискуссии 1968–1972 годов о дате образования Перми // Технологос. 2022. № 4. С. 19–29.
- Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231. EDN: RDQKDK.
- Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Перм. ун-та. История. 2022. № 3(58). С. 79–93. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-79-93. EDN: EYOJYU.
- Попов А.Д. Созвездие немеркнущей славы: города-герои Юга России и советская память о Великой Отечественной войне. Симферополь: Н. Орианда, 2025. 276 с.
- Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114. DOI: 10.31857/S2949124X23030094. EDN: ERBAKT.
- Просолова Е.В., Попов А.Д. Вдохновенное разоблачение: образ Сталина в советском кинематографе периода перестройки // Новое прошлое / New Past. 2024. № 1. С. 160–174. DOI: 10.18522/2500-3224-2024-1-160-174.
- Романько О.В. История Крыма как «трудное прошлое»: мемориальные конфликты и дискуссии постсоветского периода // Учен. записки Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 124–136. DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-4-124-136. EDN: RCYFDA.
- Толстиков Т.Ю. Перекрестки «Дороги жизни»: ветеранское движение и память о продовольственном снабжении блокадного Ленинграда // Изв. Урал. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 4. С. 34–46. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.4.056.
- Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 2, ч. 2. С. 288–300. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
- Янковская Г.А. Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Изв. Урал. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 9–22. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.057.

Bull A., Hansen H. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9, no. 4. P. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935.

Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 p.

Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 321 p.

Mitchell C. Conflict, Social Change and Conflict Resolution. An Enquiry. 2005. URL: https://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2567/pdf/mitchell_handbook.pdf (accessed: 09.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию 02.02.2026

MEMORIAL CONFLICTS IN THE POST-STALIN SOVIET UNION: TYPOLOGY, REASONS, SOCIAL DYNAMICS

A. D. Popov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Akademik Vernadsky ave., Simferopol, 295007, Russia

popalex79@mail.ru

Researcher ID: Q-2159-2017

Scopus Author ID: 57190138295

Based on the synthesis of methodological approaches of classical conflict sociology and collective memory studies, the article attempts to propose a conceptual framework for the study of memorial conflicts as phenomena arising in specific socio-historical conditions, inextricably linked to memory politics and commemoration, but also included in broader ideological, political, economic, creative, socio-psychological contexts. The author understands memorial conflicts as a type of social conflict that involves a conscious clash of opposing interests, goals, positions, and views of the parties involved in the conflict, related to the interpretation of past events, as well as the structure, form, and content of commemorative practices. The author believes that this term is more productive than the widely used concept of «memory wars». The retrospective analysis uses specific examples of memorial conflicts in the Soviet Union from 1953 to 1991, reconstructed based on archival (State Archives of the Russian Federation, Russian State Archives of Modern History, Russian State Archives of Literature and Art) and published documents, press materials, and ego-sources. Various approaches to their typology are presented, including the author's typology based on the factors of their occurrence, which allows for the identification of value-based, worldview-based, institutional, narrative, procedural, and aesthetic memorial conflicts, as well as «conflicts of historical authenticity» and «conflicts of belonging». According to the author, the memorial order, which was supported by the state and party authorities in the USSR until 1988–1989, was a unique but effective way of managing conflicts in public perceptions of the past. However, as the order began to deconstruct, the number of memorial conflicts increased, and their antagonism intensified.

Key words: memory politics, collective memory, commemoration, memorial order, conflict sociology, memorial conflict, «memory war», USSR.

References

Belov, S. I. (2020). Perception of the memorial conflict surrounding the film «Stalin's Death» by Russian Internet users. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye*, 7(1), 36–46.

Bordyugov, G. A. (2011). *"Memory wars" in the post-Soviet space*. AIRO-XXI.

Brandenberger, D. (2016). Repressed memory: The campaign against the Leningrad interpretation of the blockade in the Stalinist USSR, 1949–1952 (A case study of the Museum of the Defense of Leningrad). *Noveyshaya istoriya Rossii*, 3, 175–186.

Bull, A., & Hansen, H. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404.

Coser, L. (2000). *The functions of social conflict*. Idea-Press.

Dahrendorf, R. (1994). Elements of the theory of social conflict. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 5, 142–147.

Davidenko, A. A. (2022). The concept of «Memory wars» in modern research on collective memory. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 3, 85–95.

Gill, G. (2011). *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge University Press.

Gizen, A. (2015). A fractured memory: The conflict around the Perm-36 Memorial Center in the Russian media. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 13(3), 363–376.

Golovashina, O. V. (2021). «Memorial wars»: Between metaphor and concept. *Tempus et Memoria*, 2(1), 43–52.

Koposov, N. (2018). *Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia*. Cambridge University Press.

- Krinko, E. F. (2021). Memory politics and memorial conflicts in the North Caucasus. In V. A. Tishkov (Ed.), *Historical and ethnocultural themes in the educational, scientific, and socio-political discourse of the North Caucasus* (pp. 54–69). IEA RAS.
- Krinko, E. F., & Chelpanova, D. D. (2026). Memorial conflicts in the historical and cultural space of the Southern Federal District in 2015–2024: Typology, dynamics, and geography. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, 162. <https://history.jes.su/s207987840038647-0-1>
- Leybovich, O. L. (2022). Historical loss: Fyodor Gorovoy in the 1968–1972 debate about the date of Perm's foundation. *Tekhnologos*, 4, 19–29.
- Miller, A. I. (2020). The Second World War in the «Memory wars». *Novoye proshloye*, 4, 222–231.
- Mitchell, C. (2005). *Conflict, social change and conflict resolution: An enquiry*. https://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2567/pdf/mitchell_handbook.pdf
- Neplyuev, P. A. (2022). Public history in the Soviet style. Regional branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: «Bureaucratic rules of the game» and historical and cultural activism. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 3(58), 79–93.
- Popov, A. D. (2025). *Constellation of enduring glory: Hero cities of Southern Russia and Soviet memory of the Great Patriotic War*. Orianda.
- Popov, A. D., Pivovarov, N. Yu., & Sak, K. V. (2023). Rhythms of the past: The first anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet memory politics (1945–1965). *Rossiyskaya istoriya*, 3, 95–114.
- Prosolova, E. V., & Popov, A. D. (2024). Inspired exposure: The image of Stalin in Soviet cinema during the Perestroika period. *Novoye proshloye*, 1, 160–174.
- Romanko, O. V. (2024). The history of Crimea as a «Difficult past»: Memorial conflicts and discussions of the post-Soviet period. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istorieskiye nauki*, 10(4), 124–136.
- Shnirelman, V. A. (2003). *Wars of memory: Myths, identity and politics in Transcaucasia*. Akademkniga.
- Tokareva, E. A. (2021). Modern wars of memory, or approaches to the interpretation of historical events in history, politics, and education. *Prepodavatel' XXI vek*, 2(2), 288–300.
- Tolstikov, T. Yu. (2025). Crossroads of the Road of Life: The veteran movement and the memory of food supply in blockaded Leningrad. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, 27(4), 34–46.
- Yankovskaya, G. A. (2023). Provincial cities' anniversaries and the formation of Soviet «Peripheral capitals». *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki*, 25(4), 9–22.
- Yekhlakova, A. R., & Yankovskaya, G. A. (2023). Letters to the editorial board to the Soviet regional press in 1985–1991 as form of historical and cultural activism (on the materials of the Perm region). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2(61), 172–184.